

О.С. Советова

О системе ценностей населения Минусинских степей в тагарскую эпоху (по материалам петроглифов)

Наскальное искусство Минусинских степей представлено многочисленными и удивительно разнообразными изображениями, нанесенными на скалы, плиты оград курганов, стелы, отдельные камни. Среди них особо выделяются рисунки людей и животных, относящиеся к тагарской и посттагарской эпохе. Своеобразной «эмблемой» этой серии являются так называемые «тагарские человечки» – активные участники батальи, охоты и, вероятно, определенных ритуальных мероприятий. Изображения животных различаются главным образом техникой исполнения: одни из них выделяются неповторимым «скифо-сибирским» стилем (эти фигуры контурные, их внутренняя часть заполнена завитками, спиральями, ломаными и волнистыми линиями), другие, как правило, более мелкие, выполнены силуэтно. Изображения животных по тематике разнообразны: это копытные (кони, олени, бараны и козлы), а также хищники и птицы. Встречаются также синкретические существа, сочетающие в себе элементы различных животных и птиц. Сцены с животными и людьми различаются по тематике и исполнению, но очень важно, что среди них выделяются довольно устойчивые *серии* композиций, предоставляющие возможность для исторических и семантических реконструкций.

Наскальные изображения органично дополняют знания об эпохе, приобретенные в результате раскопок древних поселений и могильников, поскольку в них живо отразились те явления материальной и духовной жизни людей, которые по другим источникам получить просто невозможно. Именно они дают представления о системе ценностей населения, проживавшего на территории Минусинского края на протяжении длительного времени – с VIII в. до н.э. по I–II вв. н.э. **В настоящей статье невозможно** всесторонне охарактеризовать всю совокупность мировоззренческих установок, сложившихся в эту эпоху, поэтому рассмотрим лишь те из них, которые в литературе разработаны еще относительно слабо.

Реконструируя основы мировоззрения населения тагарской эпохи, мы исходили из того, что каждый образ пронизан глубоким подтекстом, композиции отражают суть хорошо известных в древности мифологем, иллюстрируют сюжеты героического эпоса, имевшие широкое распространение в скифское время на всей территории Евразии, связаны с культовой практикой населения этого региона, а не являются простыми «картинками из жизни».

Система ценностей жителей Минусинских степей в скифскую эпоху определялась их основными занятиями, среди них одно из главнейших – *война*. Жизнь в заботе о пропитании не была простой. Трудно было и на войне. Победить и выжить – дело нелегкое во все времена. Так формировалась своеобразная картина мира, связанная не только с культом *живой природы*, ярко выраженным средствами «звериного стиля», но и с *представлениями о смерти*, с которыми были связаны и этические нормы поведения на войне, и представления о победе и смерти на поле брани как наиболее достойном пути в мир иной. Отсюда *тема славы* человека (героя). В наскальном искусстве Минусинской котловины все эти представления получили весьма отчетливое отражение.

В свое время М.П. Грязновым обосновано положение о том, что скифо-сарматское время – героический период в истории степных племен Южной Сибири, Казахстана и сопредельных частей Центральной Азии. Он полагал, что истоки героического эпоса тюрко-монгольских народов Южной Сибири следует искать именно в скифо-сарматской эпохе [1, с. 7]. «Весьма возможно, – отмечал М.П. Грязнов, – что изображения на темы героического эпоса имеются и среди наскальных рисунков...» [1, с. 29]. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют подтвердить эту точку зрения. В огромной, порой безликой массе «тагарских человечков» выделяются какие-то особые, значимые фигуры – «богатырей» (?) или «героев» (?) (рис. I – 1), **активных, находящихся всегда как бы** в гуще событий. Они специальным образом «маркированы», отличаются от остальных фигур не только комплекцией, но и оружием или иными «опознавательными» знаками, в качестве которых выступают особые головные уборы, или «султаны», бороды, косы [8, с. 84–89], а также особые позы (фертообразные фигуры, позы «танцоров» и др.) [9, с. 300–304], состояние возбуждения (о чем свидетельствует его фаллос, так называемая эпическая ярость) [3, с. 149–151] и т.п. «Герои» участвуют в поединках, мчатся на конях, присутствуют в различных, часто малопонятных для нас «мероприятиях», в которых задействованы и люди, и животные. Как и герои многих эпосов, они смело вступают в сражение с великанами (сюжет «битва с великанами») – ведут борьбу против зла, очевидно, отстаивая интересы соплеменников [8, с. 89–93] (рис. I – 3); **попадают в затруднительные ситуации** (сюжет с «лабиринтом») [10, с. 200–202] (рис. I – 2)

Рис. 1. Наскальные изображения с писаниц бассейна Среднего Енисея:
 1 – Образ «героя» на писаницах Среднего Енисея (Тепсей, Абакано-Перевоз, гора Кедровая, Потрошиловская писаница, Туранский могильник); 2 – Фрагмент композиции местонахождения Абакано-Перевоз (по И.Д. Русаковой); 3 – Тепсей-5; 4 – Оглахты; 5 – Тепсей-2

и успешно преодолевают их. На скалах отражены похождения «героя» («космическая охота») [8, с. 45–49], его подвиги (а он бесстрашен – может биться одновременно с двумя-тремя врагами (рис. 1 – 3). **Нередко** встречаются композиции, представляющие собой своеобразные «кадры», последовательно отражающие этапы его деяний: преследование противника, сам поединок, торжество победы и, очевидно, смерть (так называемые перевертыши, а также сцены «перехода» в загробный мир) [11, с. 327–329] (рис. 1 – 4). **Не** исключено, что именно о таком герое складывались песни и легенды, именно он был *героем эпическим*. В конечном итоге во многих из этих сцен отразилась дуалистическая концепция борьбы доброго и злого начал, присущая, очевидно, тагарской культуре, так же как и многим культурам скифского круга. Как известно, краеугольным камнем всех индоиранских традиций было представление о космогоническом акте творения как победе мирового порядка над хаосом, света – над мраком, тепла – над холодом, влаги – над засухой и т.д., что в конечном итоге символизирует *победу жизни над смертью* [4, с. 57].

Тема смерти как одна из фундаментальных мировоззренческих проблем человечества также нашла свое отражение в наскальном искусстве Енисея [12, с. 80–93]. Эта тема касается как животных, на которых охотятся, используют в качестве ритуальной жертвы, т.е. убивают, так и людей – воинов, охотников, участников ритуалов – охотящихся, воюющих, приносящих жертвы, т.е. убивающих, но и погибающих на поле брани (*тема жертвы*) или торжествующих победу (*тема триумфа*). Известно, что смерть – один из коренных параметров коллективного сознания. Смерть – компонент картины мира, существующей в сознании членов данного общества в данный период. Изучение установок в отношении к смерти, которые заслуживают внимания и сами по себе, может пролить свет на отношение людей к жизни и основным ее ценностям. По мнению некоторых ученых, «...отношение к смерти служит эталоном, индикатором характера цивилизации» [2, с. 115]. Судя по петроглифам, в тагарскую эпоху особое значение приобрела не только тема героических деяний (*славы*), но и достойной смерти и *достойного погребения*. Есть сцены, в которых запечатлено одно из наиболее трагических и впечатляющих событий – «переход» человека в загробный мир. Сопровождает его в это последнее путешествие верный друг – конь. Мы видим целые табуны особых коней – «отмеченных», подготовленных для этого мероприятия. Конь умершего хозяина – «траурный конь». На нем нельзя ездить, он предназначен только для определенной цели (его хвост подвязан, грива подстрижена) [13, с. 147–151]. Нередко в руках «проводника», сопровождающего умершего, находится чекан, которым, очевидно, совершают ритуальное убийство коня, о чем свидетельствуют материалы

раскопок многих памятников сопредельных территорий, содержащие останки коней с пробитыми чеканом головами. Проводник ведет за повод коня, на котором едет сам «уходящий» (он может быть в фертообразной позе, свидетельствующей как о скорби, так и его доблести) (рис. 1 – 4). **Кроме того, на скалах запечатлено** множество животных в жертвенных позах: с подогнутыми или вытянутыми ногами, вывернутым крупом (*тема жертвы*), поскольку принесение жертвы – одно из важнейших мероприятий, сопровождающих проводы человека [11, с. 328–329]. Мы видим и исполнителей ритуала, обряженных в особые, пышно украшенные одежды. О том, что в скифское время такие обычаи существовали у племен, обитавших на территории Алтая, Казахстана и Тувы, свидетельствуют не только петроглифы, но и материалы из погребений, а о подобных ритуалах у тагарских племен мы можем судить пока исключительно по петроглифам.

Следует отметить еще один чрезвычайно важный аспект наскального искусства как *составной части ритуальных мероприятий*, связанных с погребальной практикой. Представления о возможно разной семантической подоплеке рисунков на камнях и на писаницах, высказанные ранее [5, с. 48; 14, с. 76], должны быть скорректированы. Мы полагали, что своеобразные «разрисованные» кони со знаменитой писаницы Оглахты несут в себе исключительно светлое, солнечное начало («солнечные» кони). Выявленные серии отдельных образов и композиций позволяют сделать вывод о том, что не менее существенной была и роль коня-помощника в путешествии в мир подземный, когда утрачивается его солнечная ипостась. Эта тема, очевидно, отражает индоиранский пласт представлений о смерти-возрождении, когда принесенный в жертву конь обеспечивает бессмертие. Таким образом, по нашему мнению, *огромный массив наскальных изображений и сцен связан именно с погребально-ритуальной практикой*. Конь у индоиранцев – животное, связанное с солнцем и наделенное сверхъестественными силами, способное передавать бессмертие. Оглахтинские кони, судя по описанным выше признакам, являются конями траурными, как и серия животных, выполненных в своеобразных позах, так называемые летящие, с подогнутыми ногами, с вывернутым крупом, животными жертвенными, подготовленными к жертвоприношению или уже «посвященными».

С темой смерти связаны и такие композиции, как «шествие хищников» из Тепсейского лога (рис. 1 – 5) (а также, возможно, и на писанице Анаш и др.), имеющая безусловную перекличку со сценой шествия кошачьих хищников, вырезанной на Башадарской колоде (предназначенной *для умершего*); одна из оглахтинских сцен с «лежащим» конем с вытянутыми вперед ногами перекликается со сценами на плитах из курганов могильника Кизань I и Тигей, где кони

изображены в подобной же позе, а рядом находится антропоморфная фигура с чеканом в руке; а также многочисленные хищные птицы, преобладание которых среди орнитоморфных образов, вероятно, также связано с нижним миром – миром мертвых [6, с. 112]. Изображенный на Боярской писанице поселок некоторыми исследователями, например С.С. Черниковым, трактуется как поселок мертвых [7, с. 100], а срубные постройки с круглыми отверстиями посередине интерпретируются как дома мертвых [7, с. 101–105]; даже поза некоторых антропоморфных фигур напоминает позу умершего, зафиксированную в погребениях.

И само курганное сооружение, и рисунки, выполненные на курганных камнях, на скалах и отдельных стелах, – все это объединено общей ритуальной традицией. Было и само действие – исполнение обрядов, связанных с покойным: одевание в специальные

погребальные одежды, похороны, сооружение кургана, поминки. Было и визуальное отражение идей, связанных со смертью, – в петроглифах, что являлось составной частью этих мероприятий. Когда, на каком этапе создавались рисунки – остается невыясненным, но переключая тем, отраженных в изображениях на курганных камнях и в наскальных композициях, свидетельствует о внутреннем единстве всех этих составляющих. Тема смерти теснейшим образом переплетена с темой героизма, победы (триумфа), а значит и возрождения, т.е. в конечном итоге жизни.

Таким образом, в наскальном искусстве населения Минусинской котловины воплотилась та основная система ценностей, которая была связана с особыми идеалами человека скифской эпохи, отраженными в героическом эпосе: бесстрашием героя в схватке с противником, торжеством победы над соперником, героической смертью и достойным погребением.

Библиографический список

1. Грязнов, М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири / М.П. Грязнов // АСГЭ. – Л., 1961.
2. Гуревич, А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А.Я. Гуревич // Одиссей. – М., 1989.
3. Ермоленко, Л.Н. Фаллические образы и проблема изображения признаков агрессии (гнева) в древнем искусстве / Л.Н. Ермоленко // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия : сб. докл. Междун. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. С.В. Киселева. – Красноярск, 2005.
4. Кузьмина, Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев / Е.Е. Кузьмина // Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.
5. Николаева, Т.В. Особенности петроглифов на скалах и курганных камнях в тагарскую эпоху / Т.В. Николаева // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология : тезисы докладов. – Кемерово, 1984.
6. Раевский, Д.С. Модель мира скифской культуры / Д.С. Раевский. – М., 1985.
7. Савинов, Д.Г. К интерпретации изображений Боярских писаниц / Д.Г. Савинов // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2003.
8. Советова, О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О.С. Советова. – Новосибирск, 2005.
9. Советова, О.С. Изобразительные «стандарты» – эпические «метафоры»? / О.С. Советова // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, памятники. – СПб., 2004.
10. Советова, О.С. О своеобразии изобразительного искусства постагарской эпохи / О.С. Советова // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005.
11. Советова, О.С. Тема смерти в наскальном искусстве / О.С. Советова // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. – Вып. 24. – Новосибирск, 2006.
12. Советова, О.С. Отображение состояний поражения и смерти в наскальном искусстве // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр. – Вып. 24. – Кемерово, 2006.
13. Советова, О.С. Кони с оригинальными хвостами на скалах Енисея / О.С. Советова // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002.
14. Черняева, О.С. «Солнечные» кони Оглахтов (бассейн Среднего Енисея) / О.С. Черняева // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология : тезисы докладов. – Кемерово, 1984.